

П. Я. Чаадаев

Отрывки и афоризмы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П11

П11   **П. Я. Чаадаев**
Отрывки и афоризмы / П. Я. Чаадаев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
50 с.

ISBN 978-5-4241-2401-3

П. Я. Чаадаев (1794—1856), выдающийся русский мыслитель и публицист, при жизни опубликовал только одно свое произведение — первое письмо «Философических писем», после чего был объявлен сумасшедшим и лишен права печататься. Тем не менее Чаадаев оказал мощнейшее влияние на русскую мысль и литературу 19-го столетия. О нем писали и на него ссылались Пушкин, Герцен, Тютчев, Жуковский. Чаадаева сравнивали с Паскалем и Ларошфуко. Глубокий ум, честь и деятельная любовь к России освещают наследие П. Я. Чаадаева, оставляя его актуальным русским мыслителем и для современного читателя.

ISBN 978-5-4241-2401-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П. Я. Чаадаев, 2021

Петр Чаадаев
Отрывки и афоризмы

Вдохновение – сверхъестественное ли оно событие, изменяющее обычный ход природы? – Нимало. Оно необходимое последствие прямого действия неизвестного начала на силы нравственной природы, посредством которого эти силы получают несравненно большее развитие, нежели какими пользуются в обыкновенном положении.

Стоит только понять, что эта восторженность разумных способностей произведена творцом, а не творением, не ограничивается одним особым действием, но относится к общему целому, как и все непосредственно вдохновенное богом; стоит это понять, и будем, поверьте мне, истинно правоверны; с тою только выгодою перед ревностным догматиком, что будем понимать предмет нашей веры. Так точно знание откровенное есть только знание, превышающее все ведения, приобретенные обыкновенным ходом рассудка: знания сверхъестественного – нет!

Являясь разуму человека, господь не весь ему сообщается: *не яко отца видел есть кто*; след.: тут нет нарушения установленного порядка, а только чрезвычайный избыток естественных сил. Жизнь, данная прежде этим силам, возобновлена, удвоена тою же дающую рукою. – Где тут чудо?

К тому же знаем ли мы все способы ведения, принадлежащие душе? Все действия, все изменения, возможные ее способностям? Почему в некоторое время, при особенном содействии обстоятельств, новые силы, новые качества не могут проснуться и развиться в природе человека? – по недостатку пищи, или упражнения, погаснуть, изгладиться опять? – потом явиться снова? и все следуя порядку, предназначенному провидением? – что же будет тут чудного? – Если же, наконец, признаем в человеке свободную волю, то должна она иметь сходство, или даже тождество, с волею верховною; по крайней мере такую же силу свободы. И тогда как узнать, сколько эта свободная человеческая воля может получить силы, если встретится с волею вышею, сольется с нею, исчезнет в ней?

Иностранный, очутившись в Англии без предуведомления, без всякого приготовления прежде, чувствует, что все пружины многосложной машины, составляющей наружную жизнь англичан, неприязненно его отталкивают. Нет мысли для деления: движение необыкновенное, вот все, что предстоит ему везде, симпатизировать не с чем. В Англии одна действующая мысль является наружу; мысль рассудка, мысль спокойная хранится в святилище связей семейных или во внутренности души, там только можно найти ее. – Но и там, сблизясь с этим хранилищем, странное смешение застенчивости и многосторонней сообщительности, характеризующие английский ум, долго отчуждают пришлца. – Когда же вы поселились однажды в недрах древней Англии, когда кроткая приязнь, наслаждение симпатии окружат вас отовсюду и заменят всю скуку первого приема; когда вам удастся, наконец, там, посреди английского семейства, на зеленој лужайке красивого загородного дома, под тенью прекрасных дубов и кленов, – удастся произнести слово *home*, как говорит его природный житель, тогда, не знаю, но мне кажется, что без сожаления изгладится из памяти воспоминание об отечестве, хотя бы это отечество была дорогая наша Россия!

В Германии плавают на океане отвлечений; немец там больше на просторе,

больше дома, нежели на земле. Невоздержность мысли доведена в Германии до последней крайности, и это не странно: мысль отдельная, без применения, без телесности – что помешает ее полету? где ей препона? где опасность? Когда же захочет она взойти в жизнь, в употребление, когда с пределов вышних слетит на практическую действительность, тогда поневоле должна она себя умерить. Иначе все неизмеримые пространства вселенной ей недостаточны: занесясь за все существенное, она уносится все далее и далее; нет причины остановиться.

Должно, однако же, признаться, что в этих беспредельных путешествиях души есть наслаждение чудное. – Думаю также, что одним забвением существенного, одною беззаботностью о благах мирских может она приобрести возможность возвышаться и дойти наконец до самых высоких сведений, какие способна только принять в той частице жизни, которую принуждена провести здесь на земле.

Слово!– А что такое Слово? – Смотрите на кормщика; – среди подводных камней он правит верно кораблем своим, по воле своей вертит им, как простым куском дерева, плавающим на поверхности вод: от времени до времени повторяется он несколько слов, и они-то производят это чудо. – Взгляните на поле сражения: сотни полков подвиглись, в одно время вдруг бросаются они на неприятеля – одно мановение, одно слово начальника тому причиною. – Вот слабое подобие глагола могущего, который яснее и звонче всякого человеческого голоса в ограниченном пространстве раздается в беспредельности вселенной, – и этот глагол есть слово. – *Слово* есть действующая сила речи, глагол творящий.

Те много ошибаются, кто пророчества Св. писания почитают простыми предсказаниями, предвещанием будущего и ничем больше. – В них заключается учение; учение, относящееся ко всем временам; столько же важная часть вероисповедания, как и все прочие.

Дух святой, говоря устами своих пророков, не переделывал человеческой природы. Сердце же человека сделано таким образом, что будущего предчувствовать иначе не может, как выводя его из известных ему настоящего и прошедшего. Разумная природа, действующая по собственному произволу, перестанет быть сердцем человеческим, если будет действовать иначе. – Сия-то строгая связь будущего, настоящего и прошедшего, скрытая от прочих людей, была ясно открыта провоззрителям Израиля, то есть яснее, нежели прочим людям. Связь эта, будучи неизменна, необходима, непременна, неминуемо должна быть сегодня та же; та же завтра; та же всегда. Однаковые положения, одинаковые обстоятельства во все времена производят одинаковые действия. Следовательно, учение пророков простирается на все времена, на все случаи, если только уметь прилично применять его.

Трудно, конечно, уловить это строгое сходство начертанных эпох. Глубокое чувство, сердечное ведение путей божиих, происходящее от безмерной покорности к изъявлениям его верховной власти, одни могут указать его. То же вышнее начало, дающее дар пророчества, дает и разумение оного. Пророк и толкователь его стоят на одной степени посреди невещественной иерархии; тот сам пророк, кто совершенно понимает пророчества.

Иные, например, относили великие сказания Апокалипсиса к определенным временам: толкование смешное! или лучше сказать бестолковое! – Мысль Апокалипсиса есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного

бытия, ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взымающие, – их надо слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, – на них надо смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, – мы слышим его беспрестанно. Одним словом, превосходная поэма Иоанна есть драма вселенной, ежедневная, и связка ее не так, как в драмах, произведенных нашим воображением, но по закону бесконечности продолжается во все веки и началась с самого начала действия.

Мечтатели, толковавшие Апокалипсис, действовали по призванию. – Все безрассудности, священной книгой произведенные, никогда не были напрасны, для каждой из них была причина необходимая. Например, тысячелетники – без них не было бы крестовых походов. Крестовые же походы по всему были непременно нужны: без них новое общество не могло образоваться. Без них человеческому рассудку недоставало бы примера величайшего исступления, возможного чувству набожности, и мы не имели бы истинного мерила этого великого побудителя человеческих поступков. Без них, наконец, грядущие поколения не имели бы воспоминания великого, возвышенного, урока нравственности, исполненного мыслей необыкновенно плодотворных и высоких.

Благоразумный человек, говорите вы, но потому беспокоится, что так же, как все прочие, бегает за счастием. Он, видно, не знает, что невозможно быть вместе благоразумным и счастливым. – Что нужно для счастья, посмотрим? – Не нужно ли прежде всего быть довольным собою и всеми? Скажите же, кроме безумца, кому это возможно? – Доказать, что одни глупые могут быть счастливы, есть, кажется мне, прекрасное средство отвратить некоторых от пламенного искания счастья.

Нет сомнения, что счаствие, такого, какого желает большая часть людей, недостижимо никому без глупого довольства собою и всем окружающим. Для этого счаствия ищут богатства, почестей, славы, но, получивши их, не надобно ли считать себя умнее, совершеннее прочих людей, не надобно ли с довольствием смотреть на все около нас происходящее? – иначе на что и все? без этого какое счаствие? – Пусть вообразят благополучие, какое только может быть на земле, для довершения этого благополучия надобно же предположить безумное самодовольство и равнодушие вдвое безумнее ко всему окружающему. – Древние это знали: простодушнее, откровеннее нас не проповедовали они другого нравственного учения. Что такое их мудрый? – Дерзкий глупец, нечувствительный ко всему, при нем совершающемуся, восхищенный собою и всеми своими поступками. В этом не разнятся ни Эпикур, ни Зенон. Человек не умел создать себе иного идеала вышней мудрости. Какое же неизмеримое пространство между этой холодной, вялой, неподвижной сухой философией и тою, которая говорит нам: царствие божие ищите, и все прочее вам дано будет! – Что может быть простее урока, заключенного в этих словах нашего спасителя? Не ищите благ для самих себя, говорят они нам; ищите для других; тогда неминуемо будут они и вашим уделом; без домоганий ваших найдут они вас; счаствие частное не заключено ли в счаствии общем?

Прочь страсти! – прочь беспокойные волнения себялюбия! живши для других, живешь вполне для себя: вот истинное счаствие, единственно возможное, другого нет. Доброжелательство, неизмеримая любовь к ближнему, вот что украшает жизнь истинным благополучием.

Всякое вещественное движение не есть ли оно произведение звучного и гармонического потрясения воздушной жидкости? или иной какой жидкости, еще точнее, еще эфирнее, которая, проницая в самые твердые тела, действует прямо на первобытные частицы, их составляющие.

Звук есть для нас то, что поражает органы нашего слуха. Почему не может он, по гармоническому своему свойству, быть началом или причиной бесчисленного множества перемен, перестановок и изменений вещества, которых ни причин, ни начал мы теперь не знаем?

Звук есть потрясение воздуха. Может ли воздух, потрясаясь, не дотрагиваться до окружающих его тел? Противное уже доказано.

Несомненно, что воздух находится в беспрестанном движении. Почему же не прислать этому беспрестанному движению воздухообразной материи некоторые из непостижимых явлений органической природы, происходящих во внутренности тел, как, например, восходящее брожение сока в растительном мире, обращение крови в животных и пр.? Эти явления все более или менее противоречат известным законам природы, и именно закону всеобщего тяготения. Не вижу, например, почему вследствие этого движения не совершаться некоторым созвучиям, слияниям между частицами мозга, фиброй и прочего, когда они, пребывая в одном или в разных существах, находятся между собою в определенном сношении? почему не производить им многие, удивительные нам, действия? Если перелив воздуха может потрясти струну, натянутую одновзвучно с другою струною, почему же, скажите мне, нервы не могут потрястись так же и по той же причине?

Все это вопросы неразрешенные; но сознайтесь, что, если можно отвечать на них, какие необъятные приложения может доставить тогда наука счислений и как увеличится владение математической достоверности!

Есть ли беспрельность пространства, не знаю: но знаю, что есть беспрельность времени, и что эта беспрельность, это неизмеримое продолжение, это бесконечное последование вещей *есть жизнь*, истинное, совершенное существование.

Конечное может раздробляться – бесконечное никогда. Мысль раздробления соединяется в уме моем с мыслью уничтожения: мысль о единстве с вечностью. Следовательно, уничтожение есть для меня зло, вечность – благо. – Зло клонится к истреблению, добро к сохранению; и потому вечность, благо, жизнь – одно и то же.

Эти две идеи я называю *идеями совершенительными* человеческого разума; они находятся на обоих концах той черты, которая дает ему меру. Все прочие идеи человека в них заключаются или таким образом входят, что разум не может принять ничего, не связавши прежде с одной из двух этих идей: уничтожения или сохранения. – Опора всех наших суждений, и не только суждений, всех чувств наших, эта связь, в которой происходят все действия разума без ведома нашего, дает закон нашим мыслям. Заметьте, что даже идеи чисел, хоть кажутся несовместными с этими понятиями, не выходят из них: все числа и расчеты принадлежат или делению, или умножению; делить – уничтожать; умножать – производить.

Нравственная мысль не может, по моему мнению, иметь другого начала. Идея о совершенстве, красоте, гармонии, добродетели, любви есть только изменение

идеи о вечном сохранении; идея несовершенства, безобразия, порока, несогласия, ненависти есть также изменение идеи ничтожества. Ничего не можем мы придумать доброго, прекрасного, не приписывая ему вместе продолжительности, прочности, устойчивости; ничего не воображаем дурного, злого, не привязывая к тому мысли о проходимости, неверности, уничтожении. Таким образом, наш разум пребывает постоянно между мыслию смерти и жизни, и они одни управляют им повсюду.

...снисходят к нему, оно облекается в понятный ему язык; тут нет ничего удивительного. Но на этом должно утверждать веру в ангелов; иначе каждое слово священной книги может дать повод особенному учению.

Итак, вера в ангелов не есть догмат веры? Конечно, нет. – Скажу больше: человек, созданный по образу божию, может ли законно признавать существа превыше себя? – Не думаю. Иисус не был ангел: он был бог и вместе человек. И поэтому позволено сомневаться, чтобы нужно было средним существам наполнять пространство, разделяющее разумное естество человека с естеством божиим. Правда, что целые народы и умы самые глубокие всегда склонны были признавать бытие существ совершеннее нашего человеческого существа; это понятно, и можно допустить эту веру, но отвергать ее как грубое суеверие – кажется мне суеверием еще грубейшим.

Сведенборг был очень глубокомысленный человек. Но он напрасно составил себе такое внутреннее пифагорическое учение: оно ослабило действие его творений. Что же касается до его короткого знакомства с силами небесными, то оно совсем не удивительно; я удивился бы гораздо больше, если бы с таким особыенным устройством разума он не считал себя коротко с ними знакомым.

Вы часто слыхали, что сон есть образ смерти; мне кажется, что сон есть настоящая смерть, а то что смертью называют, кто знает? – Может быть, оно-то и есть жизнь? – Мое я перерывается сном, смертью – нет: иначе было бы ничтожество. Из гроба не просыпаемся; ото сна встаем и входим опять в наше я. – Но скажите мне, живем ли мы, когда ни на минуту не чувствуем своей жизни?

Дело в том, что истинная смерть находится в самой жизни. Половину жизни бываем мы мертвы, мертвы совсем, не гиперболически, не воображаемо, но действительно, истинно мертвы. Взгляните на себя со вниманием обдуманности: вы тысячу раз на день увидите, что за минуту перед этой вы столько же были живы, сколько за час до вашего рождения; что не имели понятия ни о том, что делали, ни даже сознания о вашем существовании. Где же тогда была жизнь? – Это жизнь растительная, жизнь зоофита, но такая ли жизнь одушевленного творения? – тем паче существа разумного!

Жизнь убегает от нас повсеминутно, часто к нам возвращается, но никак нельзя сказать, чтобы мы жили не переставая. Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни. Чем больше таких минут, тем меньше разумной жизни, а если они совсем не возвращаются, вот и смерть. – Чтобы умереть таким образом, не нужно прекращать жизни, другой же смерти нет. Смерть в самой жизни, вот все, что называют смертью.

Между тем объясним возможные здесь недоразумения. Когда говорю сознание жизни, я не подразумеваю то идеологическое сознание, на которое опирается новая философия: простое чувство существования. Я понимаю под этим сознанием не только чувство жизни, но и отчетливость в ней. Это сознание есть

власть, данная нам действовать в настоящую минуту на минуту будущую; устраивать, обделять жизнь нашу, а не просто предаваться ее течению, как делают скоты бессловесные. – Когда эта совесть, это сознание потеряно, то нет воскресения. Знаете ли почему? – Потому что это-то и есть ад, проклятие, отчуждение! – Для существа разумного может ли быть мука тяжелее ничтожества?

То, что язычники называли мудростью, добродетелью, верховным благом, мы зовем одним словом: небо.

Очень знаю, откуда приходят ко мне дурные мысли; одному безумцу предстоит знать, откуда берет он благие.

Любовь христианская: рассудок без эгоизма. – Рассудок, отказавшийся от способности все относить к себе.

Правильно организованный разум стремится к покорности, к вере, так точно, как дурно организованный отталкивает всякую веру, противится всякой покорности.

Философ называет богом закон, гармонию, вселенную, не знаю, что еще; потом говорит: божества нельзя постигнуть. – Мудрено ли? Как мне постигнуть этого несообразного бога, раздробленного до бесконечности, материю и разум вкупе?

Но этот бог, он дело рук ваших, не тот бог, который *есть* *сый*. Из самой простой идеи вы сделали самую сложную, великое чудо, что не умеете взгромоздить ее в вашу голову!

Мы знаем одну только маленьку чащицу бытия нашего, ту, которую проходим в настоящей жизни; знаем и то, что оно продолжится гораздо более, и, однако, неимоверная вещь! хотим постигнуть закон целого бытия нашего!

Пантеист называет мир *Все*: предполагает его совершенным. В этом *Все* находит причину и начало всего. Это *Все* вечно, бесконечно, разумно, содержит в себе все времена и все пространства. Одним словом, все качества, которые действуют, приписывает богу, пантеист отдает их своему *Все*.

Почему же и не так? Система основательная и способная подтвердиться строгими доказательствами. Допустите слово *Все*, и остальное будет необходимый вывод принятого начала.

Но все это заключено очевидно в одном слове, помещенном на месте другого. Спиноза мог быть очень благочестив и, вероятно, был благочестив. Читая его, против воли увлекаешься чем-то чрезмерно набожным, чем-то проникающим сквозь математическую дерзость его аргумента и тем вернее поражающим, чем менее действие было ожидано.

Впрочем, всякий излишний восторг, с которым рассматривают природу, ведет к пантегизму; – находя во всем разум, дает душу всему, и вся вселенная становится великой разумной душою, как у пантеиста. – Смотрите Бонета, Палея и других.

Инстинкт животный, инстинкт человека, два совершенно различных свойства. – Первое есть побуждение физическое, чувственное; другое – неясное разумение души, которое хотя по неясности своей сливаются с ощущением, но весьма от него отлично.

Человек не по образу животных обладает инстинктом своим: это уничтожило бы разум; он обладает им свойственным человеку образом. Один инстинкт ничего не решает для человека, он действует в нем, соединясь с разумом, которого он иногда удваивает энергию, иногда ослабляет. В животных инстинкт есть

единственная причина всей деятельности, потому-то власть его над ними так велика, что в иных случаях превышает будто власть самого разума над человеком.

Что нужно для того, чтобы ясно видеть? Не глядеть сквозь самих себя.

Что такое христианство? – Наука жизни и смерти.

Что такое общественный порядок? Временное лекарство временному недугу.

Учреждения политические, юридические, законодательные и прочие подобные, на что они? Для поправления вреда ими же сделанного.

Куда делись варвары, истребители древнего мира? – Обратились в христиан.

Что был бы мир, если б не явился Христос? – Ничто.

Случалось ли кому видеть во сне, что дважды два пять? – Никому. – Почему же говорить, что во сне не действует разум?

Во Франции на что нужна мысль? – чтоб ее высказать. – В Англии? – чтоб привести ее в исполнение. – В Германии? – чтоб ее обдумать. – У нас? – Ни на что! – и знаете ли почему?

Люди воображают, что живут в обществе, когда стесняются в города, в селы. Как будто собраться в кучу, вместе пастьись, как бараны, называется жить в обществе!

Пять лет тому, как во Флоренции я встретился с человеком, который очень мне понравился. Я провел с ним несколько часов; часов, не больше, но приятных, сладких часов, и тогда еще не умел я извлечь из него всю пользу, которую мог бы извлечь. Он был английский методист; жил, кажется, при миссии в Южной Франции. Когда я с ним познакомился, то он возвратился недавно из Иерусалима. В нем поражала чудная смесь живости, горячего усердия к высокому предмету всех его мыслей – к религии – и равнодушия, холодного небрежения ко всему прочему. В галереях Италии великие образцы искусства не волновали души его, между тем как маленькие саркофаги первых веков христианства неизъяснимо его привлекали. Он рассматривал их, разбирал с исступлением; видел в них что-то святое, трогательное, глубоко поучительное и погружался охотно в возбужденные ими размышления. – Итак, повторяю: с этим человеком провел я несколько часов, скоро протекших, почти мгновение, – и с тех пор не имел о нем никакого известия; – и что же? – теперь я наслаждаюсь его обществом чаще, нежели обществом прочих людей. Каждый день воспоминание о нем посещает меня; оно приносит с собою такое волнение, такую сердечную думу, что укрепляет против печалей, меня окружающих, защищает от частых нападений уныния. – Вот общество, приличное существам разумным! вот как души действуют взаимно одна на другую: им время, ни пространство препоною быть не могут.

Слыши, что говорят иногда о старом человеке: бедный! он стал опять ребенком. – Нет, он, видно, не выходил еще из ребячества. Пересмотрите жизнь его: вероятно прежде он ребячился больше, нежели теперь, а теперь продолжает быть тем, чем всегда был.

Счастлив был бы человек, если б мог возвратиться на прежний путь свой! – Это невозможно! Установленный порядок требует, чтоб он шел вперед, всегда, не останавливаясь, вперед; ни шагу назад, вперед беспрестанно, собирая на главу свою вину за виною. – Перейдет смерть, тогда, да, тогда есть надежда, что благость божия позволит ему остановиться, пересмотреть пройденное время и, может статься, отступить назад.

Есть, однако, христианское вероисповедание (вы его знаете), в котором не

признают чистилища. Хотят перепрыгнуть из этой жизни прямо в другую, где все невозвратно, неизменно, неисправимо. – Учение жестокое! – больше жестокое, нежели ложное.

Если хотите знать, что такое душа в животных, то (прошу извинения!) разберите, что происходит в вашей душе в течение большей половины дня.

Заметьте, что самая высокая степень понятливости в животном не доказывает ничего. – Например, если мы видим, что оно не может решиться на какое-нибудь действие и останавливается, как будто обдумывая его, то ведь не знаем, до какой степени простирается может ощущение в существах, им одним руководимых. – В животных есть дар подражания совершенно чувственный, почти механический, который, если бы мы умели его хорошоенько постигнуть, изъяснил бы нам все, что кажется непонятным, не оставляя следа недоумения. – Мы сами очень многому подражаем машинально, без малейшего размышления, не думая, берем привычки людей, с которыми живем, присваиваем себе их движения, их ухватки и даже иногда перенимаем голос. Вот наша чисто животная натура.

Что же касается до этой слабой возможности усовершенствования, которую встречаем в животных, то для нее не нужно прибегать даже к ощущению: одно органическое начало изъясняет нам ее. – Растения не имеют ли свои привычки? – Между тем можно, зная совершенно устройство их, дать им новые привычки, некоторого рода воспитание, – след, и в растениях было бы усовершенствование, как в животных. Бюффон и прочие натуралисты почти то же сказали. Но опытное созерцание собственной нашей природы заслуживает особенное внимание. Нам очень важно знать, что человек не целый день бывает человеком.

Бюффон, отнявши у них разум, дает животным какое-то самосознание, ощущение собственного бытия. Странная мысль! Я сам могу ли постоянно иметь это самосознание? Не нужно ли даже некоторое усилие, чтоб его себе напомнить? – Неужели животное будет иметь качество, которое мне не дано во всякую минуту?

Скажем себе в минуты уныния: можем ли быть несчастны, жалки мы, созданные по образу и подобию божию?

Все, все отражается в самосознании. Всякий закон природы повторяется в моем я. Все явления физического мира являются в мире невещественном. Мысль во внутренности поверяет все изменения внешней природы. Но мысль понимает, ведает свое действие, природа не ведает. – Знание есть жизнь мысли, жизнь природы есть отрицательное явление. Когда мысль перестает познавать, она уничтожается. – Вот почему спаситель сказал: жизнь вечная есть знать тебя, Отец!

Человек может верить уничтожению бытия своего в течение целой своей жизни, но за минуту перед смертью эта уверенность исчезала и всегда исчезать будет. В минуту, начинаяющую уничтожение, он чувствует продолжение жизни своей. – В эту минуту великий закон всеобщей непроходимости существ в высочайшей степени выражается в каждом отдельном существе!

В натуре есть сила пластическая, творящая одни формы. В ней-то, вероятно, заключено истинное жизненное начало, сосредоточенное всех естественных сил. Оно замечательнее всего является в кристаллизации, там надоено изучать его и обдумывать. Кристаллизация есть поистине странное явление: вполне геометрическое. Достойно удивления то, что природа таким способом образует первобытные составы тел: неистощимый источник размышлений!